

ШТЕФАН
ВЕЙДНЕР

Вирус и террор: о невысказанных и пугающих сходствах между коронавирусным кризисом и «войной с террором»

Часть 1. Общество тотальной слежки?

В начале марта прошлого года, когда ситуацию с коронавирусом больше невозможно было игнорировать, я находился в Стамбуле, где работал над новой книгой. Речь в ней идет об 11 сентября 2001 года – о террористической атаке на Нью-Йорк и Вашингтон, положившей начало многочисленным актам насилия XXI века. В работе доказывается, что отголоски тех событий звучат до сих пор, а Усама бен Ладен и его террористы все-таки смогли реализовать многие из своих целей: они раскололи и радикализировали западные общества, стимулировали многочисленные рецидивы националистической и авторитарной политики во всем мире, дестабилизировали Ближний Восток. К концу февраля 2020 года США договорились с талибами о выводе войск из Афганистана – иначе говоря, самая долгая война в американской истории закончи-

**АРАБСКИЙ МИР
НА ФОНЕ
ПАНДЕМИИ,
ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ
И ВОЙНЫ**

лась признанием того, что бывших спонсоров терроризма победить невозможно.

Но к моменту, о котором я здесь рассказываю, эта новость уже никого не интересовала. Коронавирус открыл новую эру, стерев память о том, что было раньше. Ажиотажный спрос на вирусологов вытеснил былой интерес к экспертам по исламу. В своей будущей книге я намеревался рассмотреть новый терроризм крайне правых вкупе с глобальным неравенством, «кризисом беженцев» и бездействием перед лицом климатических изменений. Теперь же вполне можно было начинать подыскивать новую работу.

Или же все-таки нет? Удивляло количество наблюдателей, особенно в США, которые сравнивали сентябрьскую атаку с начинающейся эпидемией, вписывая ее в новый исторический контекст. Аналогия казалась удачной, поскольку непосредственные эффекты двух событий были схожими: коллапс авиасообщения, закрытие границ, глобальный шок, нервозность рынков, ограничения в общественной жизни, общая неопределенность, ощущение эпохального исторического перелома. Бесспорно, эффекты коронавирусного кризиса ощущаются более остро, но зато последствия событий 11 сентября остаются более глубокими, чем кажется большинству людей.

Следовательно, перед нами встает вполне естественный вопрос: нет ли между этими двумя явлениями внутренней связи, не объединяют ли их какие-то общие причины и похожие следствия – нечто такое, что историки обозначают термином *longue durée*? И нам не мешало бы спросить себя, какие уроки могут быть извлечены из одного и другого. В зависимости от того, каким окажется ответ на этот вопрос, перед нами может открыться перспектива выработки новой, альтернативной, политики, не похожей на политику прошлого. Наконец, нам стоит выяснить, не сказались ли на реакциях, с которыми мы встретили нынешнюю эпидемию, поведенческие модели эры террора, сложившиеся за последние двадцать лет. Было бы странно, если бы они вообще не напомнили о себе. Но полезны ли былые реакции в новой обстановке, рожденной глобальной эпидемией?

Поразительный пример того, насколько глубока обычно игнорируемая связь между событиями 11 сентября и вирусным кризисом, продемонстрировал в самом начале эпидемии итальянский философ Джорджо Агамбен. Он опубликовал в итальянской коммунистической газете памфлет, в котором критиковал западные правительства за злоупотребление чрезвычайными режимами. Он обвинил их в том, что подобная мера требовалась им якобы с единственной целью – присвоить себе сверхординарную власть: «Терроризм, ссылками на который чрез-

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР

ВИРУС И ТЕРРОР...

Штефан Вейднер (р. 1967) – немецкий исламовед, писатель и переводчик, член исполнительного комитета Немецкой академии языка и поэзии, лауреат премии шейха Хамада за перевод и взаимопонимание между народами (Катар, 2018). Среди его недавних книг: «Jenseits des Westens. Für ein neues kosmopolitisches Denken» (2018), «1001 Buch. Die Literaturen des Orients» (2019), «Ground Zero. 9/11 und die Geburt der Gegenwart» (2021).

вычайное положение оправдывалось раньше, исчерпал себя. Изобретение же эпидемии служит идеальным предлогом для того, чтобы продлевать его бесконечно»¹. Коронавирусная инфекция, по словам Агамбена, есть не что иное, как «самый обычный грипп».

Такая установка показывает, до какой степени реакция на вирусный кризис, причем со стороны даже лучших умов, была сформирована эпохой террора. Террористические акты действительно использовались как оправдание, позволяющее ущемлять базовые права людей и устанавливать особый порядок управления – нынешнее распространение таинственной болезни используется ровно таким же образом. Из этого сопоставления видно, насколько опасно автоматическое перенесение былых страхов в новые исторические декорации. Порожденное ими неверное понимание явлений может обернуться потерей множества человеческих жизней.

Агамбен – определенно не единственный из тех, кто поддался соблазну устаревших моделей интерпретации. Кроме того, он выражает вполне оправданное беспокойство. Его пугает, что настоящие чрезвычайные обстоятельства могут эксплуатироваться правительствами и государствами в собственных интересах, а также то, что власти, обращаясь к политике обмана, способны использовать сложившуюся эпидемическую ситуацию в качестве обоснования, позволяющего постоянно попираť основные права – как это происходит, например, в Венгрии.

В частности, весьма реальная опасность связана с защитой цифровых данных, с которой и до 11 сентября 2001 года дела обстояли из рук вон плохо. Теперь же, судя по всему, общее намерение состоит в том, чтобы «расслабиться» еще пуще, причем на добровольной основе. С этой целью была даже изобретена волшебная формула – *data donation*. Замысел здесь в том, чтобы граждане начали передавать свои личные данные заинтересованным структурам в качестве своеобразного пожертвования на доброе дело. Но как долго такие пожертвования смогут оставаться по-настоящему добровольными? Тех, кто решит воздержаться от участия в подобном предприятии, можно будет упрекать в отсутствии солидарности, а отсюда вытекает очевидная опасность того, что делаемое некогда по доброй воле на каком-то этапе и под предлогом чрезвычайно-го положения может вдруг превратиться в обязательное и легальное требование. Кроме того, не исключено, что собранные данные окажутся избыточными, то есть выходящими за рамки минимума, который требуется для борьбы с инфекцией. Изра-

1 АГАМБЕН G. *Lo stato d'eccezione provocato da un'emergenza immotivata* // Il Manifesto. 2020. 26 febbraio (<https://ilmanifesto.it/lo-stato-deccezione-provocato-da-unemergenza-immotivata/>).

иль, в частности, уже отслеживает контакты инфицированных индивидов, опираясь среди прочего и на информацию, полученную оперативными сотрудниками в ходе контртеррористических операций.

Кто-то может сказать, что и это, в принципе, неплохо. Но, предположим, вчера вы случайно пересеклись с «не той» личностью – человеком, инфицированным вирусом. И вот на следующий день, совершенно неожиданно, вы получаете текстовое сообщение от какой-нибудь спецслужбы, предписывающее вам незамедлительно уйти на двухнедельный карантин. И хотя непосредственно у вас инфекции может не быть, а теста вы не сдавали, но крупный штраф в случае несоблюдения карантинных мер окажется неизбежным.

Более того, в нынешние времена вас заставляют все время носить с собой мобильный телефон и никогда не отключать его. Это означает, что ваше местонахождение можно определить в любой момент. Тот, кто контролирует соблюдение вами установленных правил, будет присылать вам, причем нерегулярно и вразнобой, текстовые сообщения, на которые вам придется отвечать. Вы не сможете передать собственный телефон кому-то другому и тайно покинуть свое жилище, поскольку приложение запускается исключительно через сканирование отпечатков ваших пальцев или сетчатки ваших глаз. Мобильный телефон, который еще вчера был инструментом индивидуальной свободы, тем самым превращается в электронные кандалы. В Китае этот процесс идет уже полным ходом. Турция тоже недавно обязала всех инфицированных пользоваться отслеживающим приложением, фиксирующим их перемещения. Каждому, кто нарушает карантинные правила, высылаются СМС-предупреждение.

Наиболее поразительным во всех этих веяниях представляется то, что наше здоровье внезапно оказалось приоритетом, подчиняющим себе все прочее. Разумеется, это рождает скептицизм: ведь до сегодняшнего дня нашей жизнью правили исключительно экономика и развлечения, а правительства при малейшей возможности сокращали расходы на общественное здравоохранение. Естественно, возникает вопрос: действительно ли меры, принимаемые в настоящее время, продиктованы искренней озабоченностью властей нашим здоровьем? Лично я думаю, что это действительно так. Главная цель, вне всякого сомнения, состоит в том, чтобы поддержать службы здравоохранения, которые никак не выдержали бы неконтролируемого разгула вируса. Но вместе с тем за реальной заботой об общественном здоровье скрывается еще один пункт повестки, представляющий собой серьезный вызов как для политики, так и для социума.

Мы видим, что сегодня вопрос об общественном контроле напрочь изгнан из сферы охраны здоровья. Обычно, когда все идет гладко, некоторые вопросы вообще не ставятся: так, во времена стабильности мало кто интересуется, каким образом социум спланируется и управляется или каковы минимальные требования, ограждающие нас от анархии на улицах или явления диктатора. Раньше подобные вопросы обсуждались в увязке с другими областями, которые считались «системно релевантными»: так, в 2008 году, когда многие финансовые учреждения оказались на грани банкротства, в указанной роли выступала экономика, а после террористических атак 2001 года – безопасность.

В нынешние времена вас заставляют все время носить с собой мобильный телефон и никогда не отключать его. Это означает, что ваше местонахождение можно определить в любой момент. Мобильный телефон, который еще вчера был инструментом индивидуальной свободы, превращается в электронные кандалы.

В борьбе за спасение нашей социальной системы от пандемии выделяются два особо важных игрока, которые конкурируют друг с другом. С одной стороны, это различные национальные государства, а с другой, – глобальные Интернет-гиганты, подобные «Google», «Apple», «Amazon», «Facebook». Только они имеют доступ к персональным данным, позволяющим осуществлять прямой контроль над людьми, попутно обеспечивая регулирование всего процесса.

Лишь в тот момент, когда оба эти элемента – личная информация и регуляторная власть – сходятся друг с другом, открывается возможность для столь жесткого контроля, который позволяет уберечь общественное здоровье от пандемии. Разумеется, сражаясь с терроризмом (или просто подсматривая за населением), многие государства и раньше тайком занимались мониторингом сетевого трафика, не извещая об этом ни граждан, ни Интернет-гигантов. Так в чем же разница? Специфика нынешней ситуации в том, что теперь граждане, попавшие под наблюдение, контролируются официально и легально: они знают, что находятся под надзором. Причем это не мелочь, а принципиальное отличие. Ведь на наши действия влияет только гласное и явное наблюдение; именно эта его разновидность заставляет человека приспособливать свое поведение

под стандарты, удобные государственной власти. За нами не просто наблюдают – на нас влияют и нами управляют.

Бесспорно, подобное положение дел чревато злоупотреблениями, хотя его не всегда можно признать опасным. В настоящее время такие формы мониторинга, надзора и контроля помогают сдерживать распространение пандемии. По-настоящему угрожающей эта мера становится лишь в руках авторитарных и антидемократических режимов – особенно в тех случаях, когда их нельзя устранить посредством выборных процедур, как в Китае, России, Иране и многих других странах. В системах, подобных перечисленным, мониторинг здоровья людей подменяется фиксацией любых их перемещений. С помощью отслеживающих приложений деспотические режимы способны заставить любого индивида оставаться дома или в пределах строго очерченного пространства возле жилища. Не нужно ни тюрем, ни полицейских – по крайней мере, пока граждане подчиняются правилам. Ведь те, кто предпочитает пребывание в стенах собственного дома заключению в тюремной камере, составляют безусловное большинство.

Люди, проживающие в разных регионах планеты, сталкиваются, таким образом, с двумя фундаментальными вызовами одновременно, причем эти вызовы плохо совмещаются друг с другом. С одной стороны, нам приходится делать все возможное, чтобы сдерживать экспансию реального биологического вируса – это особенно важно в тех местах, где, как мы полагаем, его используют в качестве предлога, позволяющего претворять в жизнь авторитарную политику. С другой стороны, мы должны защищать себя и от вируса «подконтрольного общества» – вируса политического, «прикрепившегося» к биологическому вирусу, причем столь ловко, что многие люди его вообще не замечают. Более того, кто-то даже приветствует его. Чем скорее мы сумеем обуздать распространение инфекции естественными методами – то есть посредством осмотрительного, благоразумного и ответственного поведения, – тем меньше станет риск, что технологические средства, включая слежку, возьмут эту задачу на себя. Тем самым минимизируется и опасность того, что правительства, ссылаясь на эпидемию, продолжат ограничивать нашу свободу и экспериментировать с новыми технологиями слежения и контроля.

Наша хваленая свобода, наш прекрасный индивидуализм, наш замечательный стиль жизни в одночасье перестали быть «системно релевантными», и это не удивительно: они по определению своему и по природе своей противоположны государственному контролю и надзору над гражданским обществом. По мере развертывания нынешнего кризиса роль политики и предназначение государства свелись к их изначальным функ-

циям – к осуществлению надзора и поддержанию безопасности; а глубочайший шок, который сейчас испытывают многие граждане, связан с внезапным осознанием, что все прочее, по видимому, никогда и не было по-настоящему важным – существовало только напоказ, только для красного словца.

Это наблюдение оказалось наиболее точным в тех областях, которым в обычное время приписывалось особое символическое значение и которые тем самым привлекали к себе повышенное общественное внимание. Речь идет о спорте и культуре. Эти сферы стали первыми сегментами социальной жизни, прекратившими нормально функционировать – их было легче всего свернуть и заморозить, причем неизвестно, удастся ли им когда-нибудь возродиться в своем прежнем великолепии. Тем временем нас одолевают весьма необычные вопросы. Насколько много спорта нам на самом деле нужно? Действительно ли невыносимо то, что мы перестали ходить на концерты, а также посещать кинозалы и музеи? Велика ли потеря, если мы не слышим, как авторы «вживую» читают собственные произведения, а актеры исполняют свои роли? И не перестанут ли правительства тратиться на культуру и искусство, если окажется, что мы вполне способны обходиться и без них?

**С помощью отслеживающих приложений
деспотические режимы способны заставить любого
индивида оставаться дома или в пределах строго
очерченного пространства возле жилища. Не нужно
ни тюрем, ни полицейских – по крайней мере, пока
граждане подчиняются правилам.**

И вирус, и терроризм можно представить в виде своеобразной призмы. Они расщепляют наши общества на спектральные цвета, показывая нам, кто мы есть, из каких элементов состоим, как работает «железо», скрытое под нашими привлекательными, но порой обманчивыми пользовательскими интерфейсами, и каковы наши подлинные приоритеты, остающиеся за рамками риторических конструкций, описывающих не реальное, а желаемое. И, пока этот спектральный анализ продолжается, мы озадаченно смотрим друг на друга, чешем затылки и задаемся вопросом: каким же будет мир, в котором мы проснемся завтра?

Часть 2. Риторика войны

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР

ВИРУС И ТЕРРОР...

Одно из самых поразительное сходств, сближающих коронавирусный кризис и последствия террористической атаки 2001 года, связано с сопровождающей их риторикой. Желая подчеркнуть серьезность сегодняшней ситуации, люди используют язык войны. Нам предстоит «победить» вирус – ровно так же, как двадцать лет назад мы «побеждали» террористов. «Мы на войне», – говорят политические руководители многих городов как в США, так и в иных местах. Билл де Блазио, мэр Нью-Йорка, в своем твиттере называл аппараты искусственной вентиляции легких «оружием», используемым в этой битве. Однако подобные сравнения нивелируют фундаментальное различие между аппаратами ИВЛ и боевым оружием: если первые спасают жизни, то второе их уничтожает.

Это сопоставление не только преуменьшает разрушительный потенциал реальных вооружений, но и свидетельствует о серьезной ущербности используемой нами лексики. А за этой ущербностью в свою очередь скрываются дефицит идей и отсутствие альтернатив. Та же нехватка новых подходов лежала в основе беспомощных и бессмысленных ответов на террористическую угрозу: единственно доступными решениями представлялись те, в которых ведущими акторами выступали полицейские и солдаты. Казалось, ничего больше в ответственные головы вообще не приходило. В Афганистане и Ираке этот дефицит идей обернулся опустошительными и в конечном счете провальными войнами.

Поддерживая разговоры о войне против коронавируса, нынешние правительства намекают на полнейшую уместность мер в стиле военного времени. То же самое происходило и два десятилетия назад, когда на фоне «войны с террором» внедрялось тотальное наблюдение за гражданами и приостанавливалось действие основных прав и свобод. Но в те времена правительственные новации напрямую затрагивали малое количество людей – например, тогда пыткам подверглись лишь единицы. Сейчас, однако, вводимые меры касаются персонально каждого. И поэтому без риторики войны было бы трудно убеждать людей в том, что их дома в какой-то момент могут превратиться в тюрьмы самообслуживания, а мобильные телефоны в электронные браслеты, – при том, что настоящих преступников сейчас в массовом порядке досрочно выпускают из тюрем из-за рисков, создаваемых инфекцией. Что за перевернутый мир!

Принято считать, что все это делается во благо – ради спасения человеческих жизней. Но разве в кризисных ситуациях может быть иначе? Даже придуманные американцами «рас-

ширенные методы допроса» использовались, по утверждению правительства США, сугубо для того, чтобы спасти людей, предотвращать дальнейшие террористические вылазки. Но, хотя такие параллели допустимы, важно подчеркнуть, что налицо и ключевые отличия: несмотря на наличие благородного предлога, пытки подозреваемых, по-видимому, не спасли ни единой жизни и не предотвратили ни одной террористической атаки. А вот домашний карантин, вероятно, жизни все-таки спасает.

Кто-то может сказать, что современная барабанная риторика не имеет отношения к провоцированию реальной войны – ее надо воспринимать метафорически, как средство подчеркнуть критичность ситуации. Но давайте вспомним, что все разговоры о «войне с террором» поначалу тоже были чистой метафорой. Особенность же метафор в том, что они могут генерировать изменение реальности: в них, как в реализующем себя пророчестве, фигура речи постепенно облекается в плоть. Существует несомненная опасность, что и метафора «войны против вируса» когда-нибудь эволюционирует тем же образом.

Тревога частично обусловлена тем, что нынешний вирус предстает таким же невидимым, нематериальным и вездесущим, как и терроризм после 11 сентября 2001 года. Символом эпохи стал так называемый «спящий террорист» – злодей, неприметно живущий среди нас и готовый осуществить внезапное нападение в любой момент. Поскольку в подобной роли подозревались преимущественно мусульмане, бесконечные разговоры о «спящих» разжигали антимусульманский расизм. В период с 2001-го по 2020-й такая риторика вылилась в подъем глобального белого правого терроризма, одним из проявлений которого стала трагедия, произошедшая незадолго до начала коронавирусной эпопеи в немецком городе Ханау². Бесспорно, терроризм, который никогда не был просто мусульманской проблемой, оказался столь же заразным, как и сам вирус, который невозможно считать исключительно китайской проблемой.

Терроризм и вирус в равной мере заразны, но есть одно интересное различие. Если террористическая угроза довольно долго ощущалась как опасность, создаваемая «другими», «приезжими», «иностранцами», но никогда не «нашими» (кто бы под таковыми ни понимался) или «нами самими» – ибо себя мы знаем, а «наши» на такое попросту не способны, – реальный вирус превращает в угрозу каждого (включая как нас самих, так и «наших»), причем происходит это вопреки нашему желанию, вне нашего контроля и без нашего ведома.

2 В феврале 2020 года в Ханау (земля Гессен) правый радикал застрелил девять человек в двух кафе, после чего покончил с собой. – *Примеч. перев.*

Таким образом, в современной ситуации каждый из нас оказывается потенциальным «спящим» – скрытой угрозой, против которой, собственно, и ведется антивирусная война. В свое время Зигмунд Фрейд говорил, что Эго не является хозяином в собственном доме, – сейчас все мы понимаем, что он имел в виду. Особенно тяжело принятие этого факта дается личностям, страдающим нарциссическим расстройством или манией величия. Они не хотят верить, что сами могут вдруг оказаться «спящими» – заражая других людей либо вирусом, либо своими комплексами. А когда таким людям достаются руководящие должности, они превращаются для своих обществ в такую же опасность, как и терроризм. В наши дни политики, подобные Дональду Трампу, Борису Джонсону или Жаиру Болсонару, подтверждают это чуть ли не еженедельно.

В распространении подобных умонастроений, однако, повинны не только самоуверенные деятели. Представители широкой публики тоже начинают отвергать «оскорбительные» подозрения в том, что их могут счесть носителями коронавируса; ведь сами они рассматривают себя как людей безупречных и безвредных. В этом видится еще одна поразительная аналогия с эпохой, наступившей после 11 сентября: она отсылает к чувствам многих приверженцев ислама, которые после террористических актов страдали от того, что их подозревают в симпатиях терроризму или в его поддержке исходя только из их мусульманской идентичности. Сейчас мы все неожиданно попали в положение тех самых голословно обвиненных мусульман, и нам тоже очень хочется заявить, что мы абсолютно безвредны и вполне «нормальны». Но каждый из нас, однако, все еще под подозрением; мы подвергаемся своеобразному коллективному заключению под стражу – нас подозревают в том, что несем в себе реальную угрозу, пусть не исламистскую, но вирусологическую. Для всех нас это весьма поучительный опыт.

Обращение к эпохе террора также убеждает в опрометчивости звучащих порой предположений, что вирус будет побежден в обозримом будущем. Уже сейчас ясно, что у болезни могут быть свои «волны» и «кластеры», а ее очаги будут вспыхивать, как лесной пожар – то там, то здесь. Даже если вакцина станет абсолютно доступной в течение ближайших месяцев, мы не должны слишком торопиться, чтобы не подвести нашу «охрану». В 2002 году талибы казались побежденными, но потом вернулись назад более сильными, принудив американцев к мирным переговорам. После того, как бен Ладена убили, его террористическая группировка «Аль-Каида» утратила былое значение. На ее месте, однако, возникло так называемое «Исламское государство» – террористическая ор-

ганизация, опирающаяся на методы, еще более жестокие, чем у «Аль-Каиды». В конечном счете терроризму удалось преодолеть предполагаемый культурный барьер между исламским и западным мирами – аналогичным образом и нынешний вирус преодолел биологический барьер между животными и людьми.

Несомненно, современная форма терроризма, принятая исламскими фундаменталистами, берет свое начало в Европе XIX века. Первоначально ее приняли на вооружение анархистские и националистические освободительные движения, желавшие привлечь внимание к своей борьбе и продемонстрировать хрупкость устоявшегося порядка. Это в свою очередь вдохновило антиколониальные кампании – например, борьбу алжирского «Фронта национального освобождения» против французского колониализма или еврейской организации «Хагана» против британского мандата в Палестине. Позднее из тех же образцов черпали энергию палестинские и многие другие партизанские группировки. В свою очередь, подобно заново импортируемому вирусу, родившийся в этих конфликтах терроризм со временем начал заражать и воодушевлять западные экстремистские движения – например, отстаивающих превосходство белых радикалов, практиковавших своеобразный «упреждающий» терроризм. Последние убеждены, что им необходимо защитить свой социум от «чужеродных» элементов или «деспотических» правительств, как о том громко заявили в своих манифестах исполнители терактов в Хануа в 2020 году и на острове Утойя в 2011-м³.

Последствия всего сказанного для современной ситуации выглядят так. В будущем обязательно появятся другие вирусы, а сам коронавирус будет воспроизводиться несколькими волнами. Он способен мутировать, поэтому вакцинации, возможно, не станут эффективным средством борьбы с ним, эпидемии будут вспыхивать в разных местах вновь и вновь, а это означает, что многочисленные антивирусные меры, недавно вводившиеся временно, превратятся в постоянно действующие. После 11 сентября 2001 года правительственные службы все время фиксировали угрозу терроризма; властям казалось, что сама жизнь вынуждает их безостановочно принимать те или иные антитеррористические меры – причем было даже не слишком важно, полезны ли они на деле, – чтобы тем самым сигнализировать о своем беспокойстве и подтверждать способность к действию. Похожим образом коронавирусный кризис превращает эпидемическую уязвимость наших обществ в первостепенную проблему человеческого

3 22 июля 2011 года правый радикал Андерс Брейвик совершил серию терактов в Осло и на острове Утойя. Погибли 77 человек. – *Примеч. перев.*

сознания, и некоторые политики обязательно будут использовать его в качестве предлога для популистской риторики, обосновывающей авторитарные меры хотя бы «для галочки» (среди таковых – закрытие границ, прекращение иммиграции, введение жестких локдаунов). Другие деятели, напротив, свяжут свое политическое будущее с освобождением от ограничительных противовирусных мер, продвигая так называемую «открытость» и настойчиво утверждая, что все не так уж и плохо. Мы уже видим, как это происходит. Интересно, что эти противоречащие друг другу политические реакции зачастую воплощаются в одном и том же деятеле: именно таков случай Трампа. Он пытался разыгрывать и «популизм здоровья», и «популизм открытости» – причем делал это одновременно. Общим знаменателем здесь выступали, с одной стороны, сам Трамп, а с другой стороны, популизм как таковой; ибо опытным путем не раз доказывалось, что популистов не очень заботит, насколько последовательны и непротиворечивы их утверждения.

Из приведенных мною примеров видно, что параллели между терроризмом и вирусом не ограничиваются лишь тем, что и то и другое, вне всякого сомнения, существует. Довольно близкими оказываются и наши способы борьбы с этими напастьями – включая слежку и сбор личных данных, использование административной или полицейской власти, применение милитаристской риторики, активацию популизма. Кроме того, в демократиях в особенности есть и еще один пункт сходства: предотвращение террористических вылазок и сдерживание вируса концептуализируются как форма войны, битвы, антагонизма. Это делается для нагнетания политических эмоций и чувств, позволяющего привлекать голоса избирателей. Такой подход подменяет объективное и беспристрастное рассмотрение событий, вскрытие их причин, извлечение из них уроков. Между тем сегодня уже понятно, что «война с террором», начатая в 2001 году, провалилась, запустив к тому же целую серию катастрофических событий. Поэтому весьма полезно твердо усвоить уроки терроризма, какими бы необычными и неудобными они ни оказались.

Чтобы адекватно реагировать на послания, которые несут в себе подобные кризисы, нам требуются концепции, выходящие за рамки конфронтации, войны и антагонизма. Но что же может выступить в роли необходимой концептуальной базы? Мы сталкиваемся с той же дилеммой, что и мэр Нью-Йорка: нам не хватает языка, нам не хватает альтернатив. Но по мере того, как мы начинаем понимать, что примитивная битва или открытая война не могут быть решением, в головах начинает вызревать осознание того, что правильный ответ следовало бы

искать в том, что противоположно сражению и конфронтации: в диалоге, переговорах, компромиссе, координации, солидарности, эмпатии.

В свете сказанного рассуждения о «войне против вируса» кажутся все более неправильными. Ведь «война», целью которой выступает исключительно минимизация жертв, не может быть героической: она основывается на принципе «возлюби ближнего своего» – и, таким образом, представляет прямую противоположность реальной войне. Однако война, лишенная героизма, по сути, абсурдна. Ей не хватает врага в облике другой личности, которую можно обвинять, которая внушает гнев и способна служить объектом ненависти; двадцать лет назад именно эту роль в совершенстве выполняли «мусульманские террористы» (или в глазах многих людей – ислам в целом). «Война с вирусом» является чисто риторической и по этой причине отчаянной и слабой, разновидностью «боя с тенью». Материальные жертвы, требуемые в этой войне от населения, помогают сократить число погибших. Но те, кому удается выжить, остаются в неизвестности – они просто обезличенные цифры в статистических отчетах, хотя ограничения, налагаемые на повседневную жизнь индивидов, очень конкретны. По этой причине люди могут идентифицировать себя с тем, за что они «сражаются», лишь самым абстрактным способом – эмоциональности здесь вовсе нет. И сколько бы ни тиражировалась метафора войны, она не способна зажечь людей.

Для того, чтобы взять вирус под контроль, нужно отказаться от логики конфронтации. Вести переговоры с вирусом в каком-то смысле легче, чем с террористами, а в каком-то смысле, напротив, тяжелее. Проще – потому что вирус лишен какой бы то ни было ненависти к нам. Сложнее – поскольку вирус не может сказать, чего он хочет, ибо у него нет собственной воли. Тем не менее вирус преподносит нам важный урок – такой же зримый и убедительный, как и встреча с терроризмом в свое время. Его смысл прост: мы не в состоянии контролировать глобализацию, и как раз поэтому жертв и потерь так много – как в плане человеческих жизней, так и природной среды. Терроризм и вирус внушают мысль, что нам необходимо заставить глобализацию работать по-другому: более мягким и более деликатным образом, основанным на диалоге, – если этого не произойдет, она погубит нас всех.

Часть 3. Глобализация

Некоторые связи, сближающие 11 сентября и вирусный кризис, выходят далеко за рамки риторики войны. И планетарное

распространение вируса, и международный терроризм можно считать издержками глобализации. Это одновременно и продукты глобализации, и воздаяния за нее. Другими словами, глобализация – тотальная взаимозависимость наших обществ на международном уровне – высвобождает силы, работающие против ее собственного прогресса. Терроризм и вирус обращают глобализацию против себя самой, ставя ее под сомнение, а также изобличая ее риски и опасности, не поддающиеся управлению и контролю.

Не вызывает сомнений, что после преодоления коронавируса дискуссии о глобализации вспыхнут с новой силой. Их не придется организовывать специально – их естественным образом разожгут всемирные политические и экономические потрясения, которые, несомненно, нас ожидают. Представляется любопытным, что подобный разворот будет означать возвращение к дебатам, которые шли накануне 11 сентября 2001 года и породили такие явления, как экологическая программа Альберта Гора – кандидата от демократов на президентских выборах 2000-го – или антиглобалистские протесты 1999-го, сопровождавшие форум Всемирной торговой организации в Сиэтле. На новом витке, однако, ставки будут еще выше. Прежнюю дискуссию прервала террористическая атака на США – обсуждение проблем климата, и без того давно просроченное, из-за нее было отложено еще на полтора десятилетия. Экономика между тем извлекала выгоду из пришествия терроризма: внимание публики теперь сконцентрировалось на другом сюжете, что позволило насаждать глобализацию и дальше – пока она не стала казаться завершенной и необратимой.

Вышеупомянутая нехватка концепций, помогающих справиться с нынешними проблемами, самым непосредственным образом связана с прерванной из-за «войны с террором» общественной дискуссией. Девиз, который президент Джордж Буш-младший использовал в то время – «Кто не с нами, тот против нас», – не оставляет места для гибких ответов ни на терроризм, ни на коронавирус, ни на глобализацию. Но если до коронавируса проводилось жесткое разграничение между «нами» и гипотетическими «другими», то сейчас с вирусом пытаются сражаться всякий – иными словами, каждый на «нашей» стороне. Многие считают это позитивным сдвигом, поскольку вирус объединяет человечество, а не обособляет народы друг от друга – но на деле это может оказаться плохой новостью.

Действительно ли позитивным было бы полное исчезновение точек соприкосновения между абсолютным «мы» консолидированного человечества и столь же абсолютным «другим» вируса? Если все человечество представляет исключительно «нас», то против кого же нам предстоит сплотиться? Опасность

состоит в том, что таким «врагом» могут объявить все нечеловеческое, имеющееся на планете Земля, а именно – окружающую среду и биоразнообразие. Если учесть, насколько хищнически род людской в последние десятилетия опустошал природный мир, то эта теория перестает казаться неправдоподобной. Так что не будем удивляться, что природа, словно вооружившись девизом «Кто не с нами, тот против нас», наносит сегодня ответный удар. Она, вероятно, права. Но, поскольку она не является носителем человеческих характеристик, мы не можем вступать с ней в переговоры, выработать компромиссы или заключать перемирия. Следовательно, единственной опцией для нас остается более чуткое вслушивание в посылаемые ею сигналы и отказ от веры в то, что будто бы мы, опираясь на технологию и науку, способны выиграть сражение против нее.

Сегодня, разумеется, мы понимаем, что представление о «нас», включающее в себя только и исключительно человечество – чисто антропоцентрический гуманизм, – несостоятельно. К такому заключению с легкостью можно было прийти и до 11 сентября – и мы скорее всего осознали бы это, даже если бы нью-йоркские и вашингтонские теракты вовсе не случились бы. Терроризм и спровоцированная им агрессивная политика являются, по крайней мере отчасти, причинами того, что природа сейчас требует от нас весьма тяжелых жертв. Она «победила» нас еще до того, как мы обрели шанс на сотрудничество с нею – прежде, чем перед нами открылась возможность по собственному хотению и небольшими шажками заняться тем, что ныне приходится делать торопливо, без подготовки и в драматичных обстоятельствах. Чтобы защитить себя от нового «врага», нам пришлось пойти на уступки: например, мы перестали летать на самолетах и начали меньше потреблять. Интересно, что после 11 сентября 2001 года ситуация все-таки была несколько иной. Внедряемые тогда контртеррористические меры в основном ограничивались минимизацией тех свобод, которые некогда считались существенными исключительно для воображаемых «нас», живущих на Западе. Кстати, наиболее пронизательные политические и общественные акторы начали в то время взаимодействовать с мусульманами, проявляя интерес к ним и налаживая диалог с ними.

Сегодня мы с неохотой, но признаем, что коронавирус сумел положительно и долгосрочно изменить многие наши привычки, подтолкнув среди прочего к значительному сокращению выбросов углекислого газа, становлению новой и удивительной солидарности между людьми, изменению жизненных приоритетов многих из них. Если бы под воздействием экологически ориентированной политики мы начали привыкать к менее

расточительному образу жизни десять или двадцать лет назад (пусть даже эта идея звучит утопично), то нынешние ограничения не показались бы нам слишком суровыми. Это настолько очевидно, что никто не решается говорить об этом вслух. Но тут как раз важно высказаться во весь голос. Поступая так, мы делаем заявление о том, что именно нужно будет предпринять, когда кризис закончится.

Политика, сформированная после 2001 года, напрямую повлияла на политический отклик на коронавирус и в другом отношении. Рост правого популизма в западных демократиях нельзя растолковать, если не обращаться к событиям 11 сентября. Ксенофобский дискурс популистов подпитывался сначала терроризмом, а потом нарастающей миграцией. Кризисы, вызванные наплывом беженцев, оказались в свою очередь прямым следствием дестабилизации Ближнего и Среднего Востока, произведенной «войной с террором». В свете же коронавирусного кризиса популизм – с присущими ему склонностью к преувеличениям и теориями заговора, презрением к науке, политической возбудимостью и преобладанием рефлекторных реакций – утвердил себя в качестве серьезной угрозы жизни и здоровью людей.

Имена политиков, которые своей деятельностью иллюстрируют все это, хорошо известны. Все они недооценивают или отрицают вирус, все они обращаются к радикальным мерам противодействия слишком поздно или не обращаются вообще, все они состоят в весьма непростых отношениях с истиной. Таким образом, способы, посредством которых различные страны справляются с коронавирусом, а также судьбоносные решения, принимаемые их политическими лидерами, оказываются следствиями того разлома в политике, который возник из-за 11 сентября 2001-го. Эта связь бесспорна для каждого, кто хочет видеть ее.

Исламский терроризм сам стал специфической реакцией на новую волну глобализации, поднявшуюся после 1989 года. На глубинном историческом уровне, следовательно, имеются многочисленные связи между колониальной глобализацией и антиколониальным противодействием ей. Колониализм играл ведущую роль в продвижении вирусной глобализации, извлекая из нее выгоду, – фактически он заставил глобализацию работать на себя. Почти полное уничтожение обитателей обеих Америк, говоря статистически, оказалось следствием не столько прямого колониального насилия, сколько инфицирования коренного населения вирусами и бактериями, к которым у них не было иммунитета.

Колониальное насилие прежних времен сделалось катализатором для терроризма, который нередко опирался на абсо-

лютно законные дискурсы антиколониального освобождения. Натиск же нашего нынешнего коронавирусного противника воспринимается как террористическая атака и сравнивается с актами террора. Страны Северного полушария не смогли обзавестись политическим и экономическим иммунитетом по отношению к этой вирусной Немезиде, а живущие в них люди не сумели оказать ей психологического сопротивления. Они отвыкли от подобной жизни – в отличие от людей Южного полушария, жертв колониализма и глобализации, китайцев, египтян, иракцев, сирийцев или афганцев, в чьей повседневности репрессии, комендантский час и отсутствие свободы были всегда.

Вирусность сама по себе – которую, кстати, можно трактовать не только в биологическом смысле, вместо этого видя в ней коммуникацию, трансфер идей, пропаганду, прозелитизм, фрейминг, – есть симптом модерности, который оформился в колониальный век. Имеет смысл присмотреться к теории, согласно которой модерность лучше всего описывать не в политических или экономических, а в вирусных терминах – в метафорическом плане соотношения идей и концепций. Она способна объяснить, почему эта эпоха идет рука об руку с ускоряющимися коммуникационными разработками, а также почему она столь ценит индивидуализированный обмен данными в реальном времени. Утверждение этой виртуальной, высокоскоростной вирусности в настоящий момент оборачивается для нас удачной позицией, позволяющей блокировать реальную, паразитическую, биологическую вирусность. Но, чем успешнее мы давим биологическую вирусность, тем быстрее поддаемся жаждущей все новых и новых данных медийной вирусности, вред от которой будет более разрушительным и непоправимым, чем ущерб от биологического вируса, уничтожаемого – в будущем – вакцинами. Несмотря на весь ужас нынешней эпидемии, заражение нашей политики «чрезвычайными полномочиями» и «тотальным контролем», используемыми для сражения с биологической болезнью, может оказаться гораздо более опасным – ведь против них не существует вакцин.

Но если вирусность как таковая предстает базовым принципом модерности и самой глобальной взаимозависимости, то не приходится удивляться, что она ускользает из-под контроля и оборачивается против тех самых граждан либеральных демократий, которые давно и успешно использовали ее ради собственных целей. Наблюдаемое ныне сопротивление, оказываемое биологической и паразитической вирусностью метафорической вирусности современности, не является чем-то новым: наше поколение не первым его на себе испытывает.

Нечто подобное затормозило ранний колониализм и, вероятно, отсрочило распространение модерности западного типа на целые столетия – в подтверждение тому можно сослаться на высочайшую смертность от тропических болезней, преследовавшую отправлявшихся в колонии европейцев. Распространение коронавируса стало биологической реакцией на глобализацию, а международный терроризм был политической реакцией на нее. Вопрос, который мы должны задать себе исходя из хроник нашей борьбы с террористической угрозой, заключается вовсе не в том, как полностью ликвидировать терроризм или вирус, поскольку цена, которую придется заплатить за это, будет (или уже стала, как в случае с терроризмом) запредельно высокой. Объявление войны, которая при отсутствии четко идентифицируемых целей не может быть безоговорочно выиграна, не является адекватным ответом. Думать надо лишь о том, как лишить биологический вирус, а также продемонстрировавший свои вирусные характеристики терроризм, нужных им для воспроизводства «резонансных камер» и возможностей развития.

Несмотря на весь ужас нынешней эпидемии, заражение нашей политики «чрезвычайными полномочиями» и «тотальным контролем», используемыми для сражения с биологической болезнью, может оказаться гораздо более опасным – ведь против них не существует вакцин.

Другой вывод, который можно сделать, отталкиваясь от сравнения 11 сентября и коронавирусной напасти, заключается в том, что жесткая дифференциация между политикой и биологией, террором и вирусом имеет второстепенное значение и в конечном счете вводит в заблуждение. Она мешает правильному пониманию текущих событий и затрудняет извлечение уроков из одной ситуации ради применения их в другой. Кстати, один из уроков, который можно извлечь из событий 11 сентября, задействовав его в размышлениях о нашей долгосрочной борьбе с коронавирусным кризисом, заключается в следующем: мы должны слушать, что говорит (или пытается сказать нам) наш оппонент, причем здесь не имеет значения ни то, является ли этот оппонент террористом или вирусом, ни то, каким неудобным или даже неприемлемым для нас может поначалу показаться его сообщение. С позицией псевдовысокомерного невежества, которая культивировалась

после 11 сентября 2001 года, нужно покончить. Если единственный урок, извлеченный нами из прошлого опыта, состоит в том, чтобы продолжать вести себя точно так же, как прежде, а то и более ретиво, то это вообще никакой не урок. На карту сейчас поставлена сама способность – человеческих сообществ в целом и либеральных демократий в частности – учиться. Если они не научатся делать этого, то им не удастся выстоять под натиском авторитарических сил. На карту поставлено очень многое.

Часть 4. ВОПРОС ЛЕГИТИМНОСТИ

Терроризм роднит с вирусным кризисом еще одна особенность, без которой ни то ни другое не смогло бы появиться на свет – по крайней мере в том масштабе, который был продемонстрирован на практике. Я говорю сейчас о политическом факторе, а именно – о недемократической модели правления. Этот абстрактный тезис легко разъяснить: не исключено, что коронавирус удалось бы остановить гораздо быстрее, если бы китайские власти не скрыли первые сообщения своих медиков об этой болезни. Цензура же, разумеется, атрибут авторитарий, не обладающих демократической легитимностью. Иначе говоря, та же особенность, которая впоследствии позволила Китаю эффективно бороться с эпидемией – а именно, всесторонний контроль правительства над жизнью общества (за что, как ни парадоксально, Китай часто хвалят), – позволила вирусу беспрепятственно занять первые плацдармы, ибо китайские цензоры попросту скрыли ранние сигналы тревоги, поступившие от специалистов.

Имеет место также бесспорная связь между появлением исламского терроризма и деспотическими, недемократическими режимами мусульманского мира. Эти режимы оказались мишенями террора задолго до того, как боевики-исламисты обратились к целям на Западе. Сказанное в равной мере распространяется как на светские, так и на исламские государства – в частности, на Саудовскую Аравию, одного из главных оппонентов бен Ладена и «Исламского государства». Выход террора на международный уровень – как позже и всемирное распространение коронавируса – подпитывался режимами, лишенными демократической легитимности и народного признания: чтобы отвлечь оппозиционные движения от внутренних проблем, исламистскую идеологию превратили в предмет экспорта, вытеснив ее наиболее ярых представителей в подполье, за рубеж или в военные зоны вроде Афганистана и Ирака. Особенно преуспели в этом мусульманские страны, первыми

оказавшиеся на «линии огня», – прежде всего монархии Персидского залива. Именно из-за границы боевики, наподобие бен Ладена, начали искать новые цели для своих атак. Экспорт экстремизма и перемещение того, что было прежде внутренним терроризмом, в другие страны имели решающее значение для выживания этих режимов, их способности отразить критику и скрыть нехватку легитимности.

Эти наблюдения проливают свет на явление, редко освещаемое теми, кто пытается оценивать китайский ответ на эпидемию: дело в том, что экспорт вируса, а также распространение сопутствующих ему проблем обеспечили китайскому реагированию на него ретроспективную легитимность. О ней не могло быть и речи, если бы кризис *не экспортировали*. Иначе говоря, останься новая зараза внутри Китайской Народной Республики, ее можно было бы интерпретировать как исключительно китайский скандал. Тогда об эпидемии говорили бы как об aberrации, от которой демократические общества надежно защищены. Но сегодня все страны мира вынуждены принимать меры, подобные китайским, – и на этом фоне стратегия правительства КНР выглядит чуть ли не образцовой. Поскольку теперь вирус испытывает на прочность все политические системы без исключения, Пекину удалось избежать проверки своих ошибок.

Аналогичным образом превозносились (и даже сейчас порой превозносятся) те деспотические режимы, королевства и эмираты, которые сначала породили, а потом экспортировали терроризм. Их хвалят за беспощадность в борьбе с экстремистами – иначе говоря, за меры, которые, будучи воспринятыми как эффективные, были взяты на вооружение даже демократиями. Тот факт, что терроризм возник в этих государствах именно потому, что ими управляют деспоты, став ответом на этот деспотизм, был забыт в ту самую минуту, когда он превратился в международную проблему, а открытые общества тоже вынуждены были включиться в борьбу с ним. Сделавшись однажды «экспортным товаром», терроризм и вирус словно оправдывают те условия, которые их породили, придавая легитимность режимам, ею не обладающим.

Один из уроков «эры террора», способный помочь нам в ответе на коронавирусный кризис, касается принципа социальной дистанции: его следует соблюдать в наших взаимодействиях с недемократическими режимами, которые, стоит только приблизиться к ним слишком близко, заражают партнеров собственным отсутствием демократии. «Социальное дистанцирование» в отношении этих режимов, подобно социальной дистанции между людьми, не означает прекращения любого диалога с ними, ограничения всей торговли или прерывания

всяких человеческих контактов. Оно, однако, подразумевает сокращение зависимости от них, прозрачность и контролируемость связей с ними, а также создание своеобразных политических и экономических «шлюзовых камер», которые будут действовать как форма карантина: с их помощью можно пресекать ускоренные формы политического и экономического взаимодействия или перенаправлять контакты в особые буферные зоны. Кроме того, описанный подход заставляет демократические общества задуматься о гарантированной самообеспеченности в таких сферах, как медикаменты, продовольствие и энергия. Реальной опасностью, следовательно, чревато не перемещение людей, а движение товаров и капиталов, осуществляемое слишком либерально.

Если бы мы пошли по этому пути, скоро стало бы ясно, что мы слишком упрощаем себе жизнь, упорствуя в парадигме самодовольного либерализма и видя истоки проблемы исключительно в недемократической природе государств и систем, отторгающих либерализм. Вместо этого нам следует признать – что, собственно, терроризм и вирус и принуждают нас сделать, – что легитимность и нелегитимность в политических системах существуют в симбиотическом, а то и вообще в паразитическом отношении друг к другу. Они нуждаются друг в друге, а терроризм и вирус эксплуатируют этот симбиоз.

Принятие либеральных обществ населением – а оно, как известно, есть несущая опора легитимности – зависит от их достатка. Нынешнее богатство многих государств стало возможным только благодаря глобализации – или, говоря иначе, низким зарплатам в других странах. Правительства подобных государств не в состоянии предложить перспективу аналогичного достатка собственным гражданам (за исключением узкого меньшинства) и поэтому не могут завоевать легитимность тем же путем. Рассуждая упрощенно и полемично, вполне можно заявить, что либеральные общества Запада обязаны своей легитимностью авторитарным системам иных частей света.

В недемократических или не полностью демократических государствах легитимность, или принятие наличного положения вещей населением, обеспечивается по-другому – посредством обещания. Власти в подобных случаях сулят гарантии безопасности и порядка, необходимых для удовлетворения базовых жизненных потребностей граждан, но, помимо этого, больше ничего. Именно в данной точке возникает напряженность, а лучше сказать – конфликт, между этим весьма конкретным и скромным обещанием и гораздо более широкими и щедрыми посулами открытых обществ, готовых предоставить всем и каждому самые широкие возможности для самореали-

зации. Для того, чтобы комбинировать друг с другом два этих подхода – стабильный порядок и максимальную свободу, – надо достичь такого уровня благосостояния, который позволяет внушить населению, что, несмотря на озабоченность порядком и безопасностью, можно жить как хочется. Такое положение, однако, доступно лишь немногим обществам или странам, поскольку его поддержание обходится слишком дорого.

Чтобы создавать прибавочную стоимость, покрывающую издержки свободы и самореализации, обеспеченные общества вынуждены сохранять прочную зависимость от других обществ, которые *не в состоянии* жить так же. Именно эта проблематичная взаимозависимость либеральных и нелиберальных систем создает то сопряжение, с помощью которого терроризм и вирус перемещаются от одной формы общества к другой. Намеки на ненадежность и утрату контроля, генерируемые терроризмом и вирусом, решительно подрывают легитимность тех режимов, которые не предлагают своим гражданам почти ничего – кроме гарантий порядка, безопасности и прожиточного минимума.

Но недостаток либеральных обществ напрямую зависит от стабильности этих систем – и, следовательно, от того, как они используют свои ограничительные и контрольные механизмы. Это в свою очередь превращает либеральные общества в соучастников насаждения автократии и цензуры – тех самых базовых условий, которые, собственно, и обеспечивают питательную среду для терроризма и вируса, позволяя им распространяться по всему миру. В случае же глобального «экономического дистанцирования», рекомендуемого сейчас многими политиками и экспертами, сохранение открытыми обществами той легитимности, которую обеспечило им нынешнее изобилие, окажется под вопросом.

Для большинства людей наиболее очевидным и ощутимым сходством их нынешнего положения с последним эпохальным сдвигом, который они пережили – с событиями 11 сентября 2001 года, – оказалась внезапная вездесущность государства. До недавнего времени государству в основном приходилось отступать и оправдываться – его стесняли идеологии, которые проповедовали освобождение от государственного регулирования как лекарство от всех мировых напастей. Но нынешние потрясения снова превратили государство в субъекта, определяющего «правила игры», и главного руководителя.

Коронавирусный кризис, однако, принес с собой и кое-что новое: по мере его развертывания государственная власть все более зримо вступала в статус тюремщика, охраняющего собственное население. Такое положение полностью противоречило либеральной концепции государства. Оно принялось

дисциплинировать людей, ради их собственного блага лишая их зримой толики свободного волеизъявления и навязывая такие формы поведения, которых они никогда не приняли бы добровольно. После 11 сентября подобная разновидность антагонизма между гражданами и властью вообще не наблюдалась. Интересно, однако, что нынешние ограничения некоторых базовых прав для большей части населения прошли незамеченными – в них, как правило, не видели такой же экзистенциальной угрозы, которая, безусловно, приписывалась самому коронавирусу, – многие люди их даже приветствовали.

Явный приоритет системы здравоохранения над прочими социальными сферами, единодушно принятый в большинстве стран мира, столь же логичен в свете эпидемии, сколь и парадоксален в контексте жесткой экономии последних лет и даже десятилетий. Неудивительно, что явная угроза человеческим жизням должна тревожить государство. Но этот факт не вызывает удивления только при поверхностном восприятии. Ведь раньше государство даже не пыталось вмешиваться во все ситуации, угрожающие человеку; зачастую у него не было средств для этого, а там, где необходимые возможности имелись, государственная власть соглашалась действовать с большой неохотой. Двумя примерами, хорошо иллюстрирующими сказанное, служат реакции властных систем на изменение климата и экологические проблемы.

Для государства внедрение новых форм контроля ради поддержания собственной легитимности представляется делом, гораздо более важным, нежели вопросы жизни и смерти людей.

Таким образом, не вызывает сомнений, что для государства внедрение новых форм контроля ради поддержания собственной легитимности представляется делом, гораздо более важным, нежели вопросы жизни и смерти людей. Сравнение с событиями 11 сентября подтверждает это. Терракты в Америке зафиксировали полнейший крах контрольных институтов США, причем он стал до непристойности очевидным для всех: атаки террористов в прямом эфире транслировались по всему миру. Это в свою очередь повлекло за собой подъем популизма, желание «вновь сделать Америку великой» и потерю разделяемого всем обществом представления об истине – как в США, так и в других странах.

Рассматриваемый в свете 11 сентября коронавирусный кризис оказывается тестом, проверяющим на прочность сувере-

нитет государства и потенциал его контроля. В тех случаях, когда государство теряло контроль над вирусом, а последствия вирусной атаки начинали определять государственную повестку дня и ее освещение в СМИ, оно вынуждено было демонстрировать могущество другими способами, порой чисто символическими, – например, вводя чрезвычайное положение. В связи с этим возникает опасность, что какие-то меры будут приниматься не потому, что они особенно эффективны против вируса, а из-за того, что они создают впечатление, будто государство вполне дееспособно и все держит под контролем. Этот курс, призванный противостоять эрозии легитимности, способен еще основательнее подорвать доверие граждан к государству.

Часть 5. НАЦИОНАЛИЗМ

Национализм, с новой силой вспыхнувший после 11 сентября и кризиса с беженцами, а также самодовольная фантазия о «блистательной изоляции» играют ключевую роль в том, что коронавирусный кризис повсеместно рассматривается как *национальная* проблема и преодолевается именно в этом качестве. В отношении многих стран весьма трудно понять, чем в большей степени вызвано закрытие их границ: озабоченностью общественным здравоохранением или же идеологическими мотивами? Вместо того, чтобы помогать тем, по кому эпидемия наиболее сильно ударила сегодня, но кто в свою очередь мог бы помочь другим завтра, европейские страны ввязались в бессмысленное медицинское, экономическое и политическое противоборство различных систем, соседствующих внутри Европы. Нынешняя активность Европейского союза угрожает основаниям протестантской экономической этики голландцев и немцев, а данные о количестве зараженных, ежедневно публикуемые Университетом Джонса Хопкинса и напоминающие таблицы спортивных чемпионатов, подпитывают дух систематической конкуренции. Тот, кто выйдет из кризиса наиболее сильным, станет победителем – такова преобладающая установка, какой бы нелепой она ни была, учитывая взаимосвязанность и взаимозависимость, торжествующие в нашем мире.

Одна из проблем здесь обусловлена тем, что усиление государственного контроля, сколь обнадеживающим оно порой ни казалось, обычно сводится к *национальному* контролю – с его помощью вновь прочерчиваются линии национальных границ и порождаются попытки преодолеть затруднения автономно, а не координированно. С этим необходимо что-то делать, причем как можно скорее. Кризис в сфере здравоохранения для

многих стран превратился в системный и экзистенциальный из-за того, что правительства с самого начала пытались разобраться с ним сугубо на национальном уровне.

Чтобы полнее оценить потенциал сотрудничества во время пандемии, стоит принимать во внимание временной фактор. Болезнь не вспыхивает повсюду в одно и то же время, но движется по планете волнами. Это означает, что в один и тот же момент времени различные страны страдают от вируса в разной степени. Кроме того, отсюда следует, что в системах здравоохранения наименее задетых стран зачастую имеются резервные возможности, позволяющие им помочь наиболее пострадавшим, которые позднее, по мере продвижения волны, помогут кому-то еще. Если бы удавалось обеспечить подобный тип международного медицинского сотрудничества, тогда каждая национальная система здравоохранения получала бы внешнее содействие именно в то время, когда заражение в стране достигало максимальной точки. Сказанное касается как защитного снаряжения, которое не требуется в одинаковых количествах везде и сразу, так и медицинского персонала, материалов для тестирования, аппаратов ИВЛ и тому подобного.

Разумеется, даже в случае более тесного сотрудничества и большей солидарности между нациями необходимо будет пресекать беспрепятственное распространение вируса. Вероятно, по-прежнему придется ограничивать свободу передвижения, включая и пересечение границ. Но, если ограничения, введенные, скажем, в Польше, Германии и Франции, были идентичными, трудно понять, почему их гражданам не позволялось пересекать национальные границы, разделяющие эти страны. Если же границы превращаются в баррикады, то неизбежным следствием оказывается то, что людей из других стран придется считать зараженными, а контактов с ними нужно будет избегать ради самозащиты. Закрытие границы питает фантазии, культивируя утопию клинической, культурной или национальной «чистоты», возрождая принципы самодостаточности и автономии, которые, казалось, навсегда отошли в прошлое.

Но что же можно предпринять вместо всего этого, чтобы обуздать распространение инфекции? Ответ прост. Мы должны следовать стратегии, очень похожей на текущую, но при этом связывая ее с иными целями, по-другому ее оформляя и продвигая. Так, выше упоминалось, что разумно было бы ограничивать путешествия и передвижения людей. Но, занимаясь этим, не нужно изображать перекрытие движения как национальную меру, не надо использовать государственные границы в качестве критерия приложения подобных мер, не стоит

приписывать этим условным рубежам значимость, которая перед лицом коронавируса или терроризма окажется еще более иллюзорной и обернется абсурдно высокими издержками, причинив еще больший ущерб.

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР
ВИРУС И ТЕРРОР...

Идея, что нации должны выбираться из кризиса поодиночке, не просто предосудительна в моральном отношении, дорогостояща в плане экономики и опасна для общественного здоровья. Она, к сожалению, свидетельствует о том, что мы все еще не готовы прислушаться к вирусу, принять его «урок» и соответствующим образом изменить свое мышление. Мы знаем, что, путешествуя меньше, мы можем замедлить распространение инфекции; но нам известно также и о том, что это не имеет никакого отношения к государственным границам. Если же нации начнут закрываться именно с такой целью, то это обойдется им дороже, чем установление идеальных пограничных барьеров, которые не по плечу ни одному беженцу.

**Закрытие границы питает фантазии, культивируя
утопию клинической, культурной или национальной
«чистоты», возрождая принципы самодостаточности
и автономии, которые, казалось, навсегда отошли
в прошлое.**

«Замораживание» трансграничных перемещений людей, введенное большинством стран, представляет собой косметическую меру, призванную, пуская пыль в глаза, убеждать граждан в том, что их правительства действительно что-то делают. Здесь разыгрываются идеологические, этнические, национальные предрассудки. Что еще хуже – подобная политика подчиняется этим предрассудкам, попадает в их ловушку, искусственно укрепляет их, наделяя потенциалом, которого на фоне заразности и невидимости вируса просто нет и не может быть. Таким образом, умонастроение такого рода сокращает диапазон действий, доступных для самого важного игрока – государства, – до узколобой защиты сугубо *национальных интересов*, игнорируя живую международную интеграцию и взаимозависимость стран и народов. А это ставит под угрозу не только бесперебойное снабжение населения жизнеобеспечивающими товарами, но и в целом экономику, которая ни в одной стране не сможет функционировать без проницаемости границ.

Наглядным примером в указанном отношении выступает туризм. Многие привлекательные для зарубежных гостей государства, из националистических соображений закрывающие

границы, подрывают собственные экономические основания. Гораздо уместнее, на мой взгляд, был бы более гибкий подход. Туристам из стран или регионов, где вирус удалось обуздать, можно было бы разрешить путешествовать в отдаленных или сельских регионах – таких, как побережья или острова, – в которых уровни заражения низки. А большие урбанизированные центры с высокой плотностью населения, напротив, стоило бы оставить закрытыми для приезжающих из-за рубежа, так как риск взаимного заражения там весьма высок.

Ограниченность чисто «национального» подхода, граничащую с глупостью, иллюстрируют, кстати, круизные лайнеры, которым начали отказывать в заходе в портовые гавани из-за того, что на борту может, мол, оказаться коронавирус. Причем это делалось и делается вопреки очевидному факту, что в большинстве мест на суше вполне можно организовать эффективный карантин. Но оставить большие пассажирские суда болтаться в открытом море не просто иммунологический популизм – это предательство всех цивилизационных ценностей, причем прежде всего тех, на которые ссылаются, оправдывая непопулярные меры типа требования оставаться дома: в частности, непререкаемой важности спасения человеческой жизни. Извращенная ирония подобного обращения с круизными лайнерами, как и его необычайное сходство с политическими мерами, предпринятыми после 11 сентября 2001 года, обусловлены тем, что остракизму прокаженных в нем подвергаются богатейшие обитатели Земли (а кто еще может позволить себе продолжать сейчас круизные путешествия?). Мы ведь привыкли к тому, что так обращаются с соискателями убежища, то есть с самыми бедными и обездоленными – спасательное судно с беженцами, которому отказывают в причале, стало чуть ли не символом наших дней.

Разумеется, между круизными теплоходами и лодками беженцев есть огромная разница, но в обоих случаях обращение с теми, кто нуждается в помощи, мотивируется одной и той же абсурдной логикой: верой в то, что можно предотвратить заражение – будь то опасным вирусом или же нищетой и страданием – посредством примитивной и антисоциальной пограничной политики. Иначе говоря, та же самая политика, которую некоторые богатые страны и раньше использовали, чтобы закрыться от беднейших слоев мирового населения и избавить себя от любых контактов с ними, сегодня обращается против наиболее богатых – как будто бы и она сама передается, подобно инфекции. Более того, она подвергает преуспевающих и благополучных такой же стигматизации и такому же остракизму, которые раньше предназначались только беженцам. Люди, которые могут позволить себе океанские круизы,

живут, как правило, за высокими заборами и в изоляции от нас с вами; но теперь остальной мир сам закрывает перед ними свои двери.

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР
ВИРУС И ТЕРРОР...

Оснований для злорадства здесь, однако, нет, поскольку в обоих случаях мы имеем дело с одной и той же, причем дурной, ментальностью. Это умонастроение не только порочно – оно в любой момент может обернуться против тех, кто надеется эксплуатировать его и манипулировать им в своих корыстных целях, тех, кто полагает, что может маргинализировать других, оставаясь при этом в безопасности и покое, недостижимым для нищеты, террора, тирании, войны или вируса.

Когда речь идет о борьбе с вирусом, нет более глупой политики, нежели та, которая разделяет людей. Такая политика уже продемонстрировала свое бессилие в войне против террора.

Становится все более очевидным, что эта ментальность и основанная на ней политика могут обрушиться на любого, даже на богатых и сытых. В свете сказанного принятие подобных установок в качестве основополагающих принципов иммунологической политики, лучше всего способной нас защитить, – вопиющая глупость. И – хотя, как было сказано выше, ограничивать путешествия и контакты между людьми в краткосрочной перспективе вполне разумное дело – ни допуск круизных судов и лодок с беженцами в порты, ни восстановление межграницного транспортного сообщения на локальном уровне, ни освобождение имеющихся лагерей беженцев посредством разрешения их обитателям поселиться в богатых странах никак не испортят эпидемической обстановки где бы то ни было. Но зато все это стало бы мощным символом международной солидарности, которая нам отчаянно необходима. Мы тем самым укрепили бы универсальные ценности, о защите которых много говорится на национальном уровне. Если же мы рассматриваем их как *исключительно национальное* достояние, то наша позиция оказывается несостоятельной: ведь универсальные ценности по самой природе своей приложимы к каждому.

Наконец, несколько слов в заключение. Когда речь идет о борьбе с вирусом, нет более глупой политики, нежели та, которая разделяет людей. Такая политика уже продемонстрировала свое бессилие в войне против террора. Причем она не просто провалилась – она породила новый терроризм в форме как «Исламского государства», так и крайне правого экстре-

мизма, ныне становящегося глобальным явлением. Нынешняя политика преодоления коронавирусной инфекции грозит посеять семена чего-то очень похожего: она способна разбудить старый вирус изоляционизма, глубоко сидящий в наших общественных системах. Именно с этим вирусом – который, как показывают войны XX века, намного страшнее, чем любой коронавирус, – нам предстоит сражаться в предстоящие годы и десятилетия. И если мы не преуспеем, то перевернутый мир, в котором мы жили с момента обнаружения коронавирусной заразы, а может, и с 11 сентября 2001 года, станет для нас постоянной реальностью.

*Перевод с английского Андрея Захарова, доцента
факультета истории, политологии и права РГГУ*